

Дискуссии

УДК 94(470)''7/9''(045)

Д.В. Пузанов

«РЕВОЛЮЦИЯ» 1000 ГОДА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМА ПРОТО- И ПОСТРЕВОЛЮЦИЙ*

В работе рассматриваются глобальные процессы, происходившие в Восточной Европе VIII–X вв. Главный их результат заключался в образовании государств в регионе и включении его в состав средневековой мир-системы. Совокупность происходивших изменений автор предлагает рассматривать как своеобразную докапиталистическую революцию. Революция не носила характер классового конфликта, потому что процесс классового образования в регионе находился на ранних стадиях. Это препятствовало формированию осознанных классовых интересов и классовых союзов. Однако, как и буржуазные политические революции, рассматриваемая революция распространялась волнами, способствовала прогрессивному качественному скачку, могла вызывать всплески насилия и предполагала определённый социальный конфликт. В Восточной Европе этот процесс сопровождался крушением родоплеменной организации, а прогрессивной стороной конфликта были социальные группы, которые не вписывались в рамки прежней родоплеменной системы. Группы, способные воспринять новую, универсалистскую, государственную систему ценностей.

Ключевые слова: революция, Хазарский каганат, Древняя Русь, Волжская Булгария, феодализм.

Наиболее распространённое в современном мире представление о революции как о радикальном перевороте, последовательном прогрессивном разрыве с прошлым, формируется под влиянием «событий конца XVIII в. во Франции» [22, с. 429]. При этом «идея политической революции» возможно «была заимствована из идеи научной революции» [17, с. 138]. В то же время, представление о политической революции как прогрессивном, качественном скачке всё чаще ставится под сомнение. «Революцией» нередко называют простой государственный переворот с определённым участием масс. Для такой трансформации есть некоторые объективные причины.

Заявленная ещё классиками марксизма идея о революции как стадийном переходе (то есть именно кардинальном прорыве в социальной и социально-политической области) [19, с. 7] не получила достаточного концептуального развития ни в трудах самих К. Маркса и Ф. Энгельса, ни в работах их последователей. Советская наука подымала этот вопрос, но в итоге дискуссия свелась к противостоянию двух сторон: Г. А. Завалько назвал первую сторону «революционизмом», вторую — «традиционной точкой зрения» [10, с. 95–96]. «Революционизм» Г. А. Завалько считает классовой идеологией, которая возникла после выступления И. В. Сталина «в 1933 г. на I съезде колхозников-ударников» [10, с. 94], где «вождь народов» констатировал существование в прошлом «революции рабов» и «революции крепостных крестьян». Ряд советских философов, ценою игнорирования фактов, придали этим высказываниям теоретическое оформление. «Традиционная точка зрения» преобладала в трудах историков и базировалась на том положении, что переходы к докапиталистическим формациям могли происходить эволюционным путём [10, с. 96].

Отказ от концепта «революция» профессиональными исследователями докапиталистических эпох не был случайным. Факты, как это кажется на первый взгляд, свидетельствуют о том, что социальные и политические революции свойственны только капитализму, при этом далеко не всегда революция становится могильщиком старой формации. Это обстоятельство позволило Э. Э. Шульцу указывать на противоречивость марксистского взгляда на революцию [39, с. 193].

Выход из действительно имеющего места противоречия возможен только за счёт пересмотра доминирующего представления о революции. Необычный взгляд на революцию можно встретить у одного из основателей мир-системного подхода С. Амина. Исследователь выделяет две волны «универсально ориентированных» революций. Первая волна устанавливает tributary system (букв. данническую систему) в масштабах всего человечества. С этой революцией связано становление мировых

* Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38.

религий и философских систем [44, р. 32]. Вторая волна революций утверждает капитализм в мировом масштабе — её знаменуют изменения эпохи Возрождения в Европе, а также три «Великие революции» — французская, российская и китайская [44, р. 32]. Несмотря на то, что ещё Ф. Энгельс отмечал классовую сущность некоторых религиозных движений и сравнивал их с революционными движениями [41], сопоставление процесса становления мировых религий и капитализма, на первый взгляд, кажется абсурдным. Однако ситуация несколько меняется, если смотреть на религию как на технологию власти.

Роль религии в становлении социальных иерархий давно отмечалась исследователями [9, с. 147–149]. По мнению С. Амина, сами по себе религии не вводили принципиальных изменений в социальную структуру тех обществ, где они возникали [43, р. 59–61]. Большее значение имел процесс распространения этих религий, который сопровождался глубокими социальными изменениями. Потенциал мировых религий — в интеграции больших культурных пространств. Но сами религии не являются движущей силой этого процесса [43, р. 61, 133]. Эру от возникновения зороастризма и конфуцианства (500 л. до н. э.) до появления ислама (600 г.) С. Амин называет «долгой революцией, в ходе которой старые формы организации, основанные на маленьких родственных коллективах, постоянно заменялись на группу социальных организаций основанных на доминировании политической власти в государстве, которую» С. Амин «назвал “данническими” формациями» [43, р. 62].

Как и многие из тех последователей мир-системного подхода, которые признают формационное членение, под данническим способом производства¹, С. Амин подразумевает любую докапиталистическую классовую социальную организацию. Конкретные формы этого способа производства могут быть разными (кастовая и феодальная системы, общины под гнётом бюрократии и т. п.) [44, р. 47–48]. В монографии «Класс и нация» С. Амин выделяет его характерные черты. Среди них: изъятие прибавочного продукта правящим классом внеэкономическими средствами, организация производства основана на ценности использования (а не обменной стоимости, как при капитализме), доминирование надстройки [42, р. 50–56]. От первобытности даннический способ производства отличается тем, что прибавочный продукт присваивается эксплуататорским классом, в то время как в бесклассовом обществе «он централизуется правящей социальной группой для коллективного использования и перераспределения» [42, р. 51]. По мнению исследователя, данническому способу производства соответствуют две формации: периферийная данническая и центральная (полная) данническая. Главное отличие между ними состоит в том, что в центре даннической системы излишки централизуются государством [42, р. 20]. На периферии этого не происходит, и государство имеет «эмбриональный» характер [44, р. 31]. Таким образом, феодализм в Европе объясняется отсталостью региона², а сама северная и западная Европа рассматривается как одна из периферий единой Средиземноморской региональной системы (пространство Передней Азии и Европы) [44, р. 20]. «Данничество» европейской периферии не является полным, здесь сильны пережитки варварского общества и права [43, р. 138]. Сама такая система — продукт «прививки Средиземноморского даннического образования на теле» первобытного общества [44, р. 18–19]. Между стадиями развития С. Амин выделяет также периоды перехода [42, р. 4]. При этом переход выделяется между первобытностью и неполной даннической формацией [42, р. 62].

Деление на центр и периферию — это поляризация в рамках даннической (или региональной) системы, т. е. докапиталистической мир-системы. Поскольку, в отличие от капиталистической мир-экономики в такой системе, по мнению С. Амина, господствует надстройка — политика и идеология [42, р. 16; 50, р. 15], то наиболее значимыми в докапиталистический период были не экономические обмены, а культурные («особенно распространение религий»), военные и политические [44, р. 26]. Таким образом, распространение мировых религий можно рассматривать как свидетельство включения новых территорий в уже существующую данническую систему. Это позволяет по-новому взглянуть на волны распространения религий, в том числе и на волну христианизации 1000 г.

По мнению М. Боргольте, 1000 г. был «наиболее успешной эпохой христианизации» со времён Великого переселения народов [4, с. 181]. Этот успех ознаменовался, в первую очередь, обращением в христианство социумов Северной и Восточной Европы [4, с. 186]. Экспансия христианской религии

¹ Не путать с азиатским способом производства, который также иногда называют «данническим» [28, с. 131–132].

² Констатация отсталости средневековой Европы распространена в трудах последователей мир-системного подхода. Такие выводы основаны на пересмотре устоявшихся в ортодоксальном марксизме представлений о степени развития частной собственности, предпринимательской инициативы, технологий в социумах Востока.

осуществлялась и в некоторых регионах на юге Европы. Однако здесь христиан ждали не только победы, но и поражения [4, с. 185]. Объясняя причины успехов христиан около 1000 г., М. Боргольте выделяет несколько внутренних и внешних факторов. Наиболее важный из них, кажется, состоит в том, что христианская культура «была тесно связана с формированием более развитой государственности» и позволяла «на основе почитания единого Бога объединить возникавшие... государства» [4, с. 186].

М. Боргольте также констатирует наличие в Европе, «ещё в X в.», альтернативы христианскому государственному устройству — иудейского Хазарского каганата [4, с. 189]. Вероятно, успехи христианства на севере Европы и на Руси, иудаизма в Хазарии и ислама в Волжской Булгарии тесно связаны между собой. И речь следует вести не столько об успехах христианства в 1000 г., сколько о волне «монотеизации народов» в пространстве «от Нижнего Поволжья до Скандинавии в VIII–XI вв.» [2, с. 22]. На северо-западе Европы, соседствующей с христианским миром — наследником Западной Римской империи, не было серьёзной проблемы с выбором веры. Сложнее обстояли дела в Восточной Европе, находившейся на пересечении интересов восточного христианства и ислама. Хазарский каганат выбирает перспективу лавирования между Византией и Исламским Востоком [1, с. 264; 25, с. 305]. С конца VIII — начала IX в. на базе синтеза иудаизма с тюркской политической культурой [30] осуществляется попытка построения собственной восточноевропейской суверенной государственности³. Но статья по настоящему «третьей мировой державой»⁴ новому политическому образованию не было суждено. Хазария распалась, не выдержав ударов Святослава, огузов и внутренних *трибаллистических* тенденций [25, с. 312].

Уже в первой половине X в. ислам как государственная религия утверждается в Волжской Булгарии, а в конце того же века Русь воспринимает христианство. В обеих державах, сразу после утверждения новой религии, осуществляются политические акции, направленные на зависимые племена [11, с. 552; 35, с. 91–93]. Такие акции, вероятно, призваны были сломить сопротивление родоплеменной знати. До установления монотеизма Русь заводит устойчивые торговые отношения с Византией⁵, а Булгария — со странами Востока [11, с. 550]. Важная роль в мировой торговле принадлежала Хазарии. Таким образом, в VIII–X вв. в Восточной Европе происходят глобальные изменения в политической, экономической, духовной и социальной сферах. И установление монотеистических религий, вероятно, лишь одна из сторон этого сложного процесса. Фактически, мы имеем дело с региональной революцией.

После крещения Руси Киев организует военные походы на уже подчинённые племена [35, с. 91–93]. По мнению В. В. Пузанова, эти походы могли быть связаны с «включением их в третью стадию интеграции» союза племён [27, с. 30], когда «господствующий союз племён переходит к прямому управлению подвластными “племенами” посредством ликвидации (либо ограничения) местных (“племенных”) органов власти и замены их наместниками с “центра”» [27, с. 21]. Эта стадия непосредственно подходит к образованию государства. Немаловажно замечание В. В. Пузанова, согласно которому походы князя Владимира могли устанавливать формы зависимости, существовавшие ещё во времена написания «Повести временных лет» [27, с. 30]. Исследователь отмечает, что господство Киева основывалось на насилии, «а Рюриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях “племенных князей”» [27, с. 31].

Походами на врагов завершается и провозглашение иудаизма государственной религией Хазарского каганата [15, с. 80, 97]. В данном случае, правда, речь идёт о покорении находившихся «вокруг» хазар народов — были ли они ранее в какой-либо зависимости от каганата, неизвестно. Явная гражданская война начинается в Хазарском каганате уже после религиозной реформы Обадии, когда был провозглашён талмудический иудаизм. О точной датировке и масштабах этой войны (или восстания) в науке нет единой точки зрения [1, с. 324–325; 26, с. 63–64; 29, с. 23]. Но, так или иначе, исследователи сходятся во мнении, что причиной восстания против хазарской власти были политические реформы, предпринятые Обадией параллельно с религиозными. По поводу характера этих реформ исследовательские реконструкции также расходятся [1, с. 325; 29, с. 24–25], ведь источники вскользь упоминают о реформах. Хотя отдельные факты действительно говорят в пользу того, что конфликт едва ли был сугубо религиозным [25, с. 311].

³ О специфике ««степного» хазарского иудаизма» см.: [24].

⁴ Как называет каганат М. Боргольте [4, с. 189].

⁵ Что нашло отражение, например, в русско-византийских договорах [35, с. 55].

Насильственной политической акцией сопровождается и установление ислама. Хотя ко времени посещения Ибн Фадланом Поволжья царь Алмуш и его семья были уже мусульманами, утверждение ислама как государственной религии происходит «на глазах» арабского путешественника. Ибн Фадлан описывает, как Алмуш призывает к совместной перекочёвке подвластные булгарам племена [13, с. 139]. Часть подданных восстала против этого требования. Однако угроза войны заставляет мятежников подчиниться верховной власти. До этого момента преданность язычеству сохраняют даже лояльные Алмушу племена, даже зять царя [13, с. 139]. Подчиниться своей власти Алмуш требует именно на основании религиозного права: «Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных» [13, с. 139]. А. П. Ковалевский реконструирует классовый характер конфликта на том основании, что Ибн Фадлан называет восставших «отребьем», а их лидера Вырыга, провозгласившего себя царём, противопоставляет знатному зятю Алмуша, поддержавшему центральную власть [14, с. 42–44]. Однако едва ли Ибн Фадлан точно разбирался в тонкостях социальной иерархии болгарского общества, а обозначение восставших против мусульман «подлыми» могло иметь и сугубо идеологическое содержание. Арабский путешественник получал информацию из стана Алмуша. Поэтому не исключено, что Вырыг был вождём одного из племён, а умолчание об этом стало результатом делигитимации некоторой части родовой верхушки. Алмуш мог предпринять попытку отстранить от власти неугодных ему вождей. А. П. Ковалевский признаёт участие в восстании значительной части болгарской знати [14, с. 44], что сводит на нет его реконструкцию «классовой борьбы». Поэтому, вероятно, прав И. Л. Измайлов, который считает сообщение Ибн Фадлана о насильственной перекочёвке отражением межплеменного конфликта [11, с. 552].

Конфликт этот, правда, должен был нести серьёзные политические последствия. Ещё до описанного похода Алмуш, как пишет А. П. Ковалевский, «обзавёлся новым, мусульманским титулом — “клиент повелителя правоверных”, ссылаясь на который он требовал подчинения себе всех племён своего царства» [14, с. 36]. Фактически речь идёт о создании исламского государства. За этим актом должны были последовать серьёзные политические реформы. Вероятно, например, сближение болгарских фискальных реалий с исламской налоговой политикой (джизья, закат, ушр и т. д.). Если в это же время происходила делигитимация прежней родоплеменной знати, а сам Алмуш менял свой социальный статус, то можно говорить о происшедшей «революции сверху» (по Г. А. Завалько), а не о реформе [10, с. 102]. Эта революция, вероятно, была менее кровавой, чем на Руси. Обусловлено это тем, что сторонники отживших социальных отношений не оказали ей должного сопротивления. Мы, правда, не знаем, были ли у Алмуша с подчинёнными ему племенами конфликты до и после пребывания в Булгарии Ибн Фадлана. Возможно, кровавая дань новому строю всё-таки была принесена.

Установление ислама в Волжской Булгарии конечно не превращало это государство в мощную централизованную империю, наподобие арабской, как и христианизация Руси не делала из государства варягов Византию. Попытка же Хазарии стать третьей мировой державой не увенчалась успехом. В Восточной Европе не было ресурсов для создания прочной мировой империи. Вообще, политические образования Восточной Европы принимают монотеизм, чтобы избежать распада, и авраамические религии на практике способствуют ускорению формирования государственных идеологий. Но политическая фрагментация все равно настигает регион, как неумолимый закон докапиталистической периферии⁶. Одно дело обладать хрупким господством в рамках варварской конфедерации, эксплуатирующей торговые пути; и совсем другое дело — сохранить это господство в условиях создания государства. Для государственной централизации нужны большие ресурсы. Революции мирового масштаба в Восточной Европе не произошло⁷.

Региональным характером революции, вероятно, объясняется её пассивный характер⁸. Только для Древней Руси можно аргументированно говорить о вступлении в революцию народных масс, что

⁶ Отдельные факты, свидетельствующие о политической дезинтеграции Волжской Булгарии, относятся к XII в. [21, с. 143]. То, что Волжская Булгария была более централизована, чем Древняя Русь обычно объясняется более компактными территориями Поволжского государства и его большей вовлечённостью в международную торговлю [21, с. 143]. С другой стороны, есть также сведения о распаде Волжской Булгарии в середине X в. на два политических образования с центрами в двух крупнейших городах [12, с. 233–234].

⁷ Несмотря на определённые параллели в обстоятельствах исламизации аравийского полуострова и иудаизации Хазарии [18, с. 554].

⁸ Термин «пассивная революция» был предложен А. Грамши. Иногда исследователи ставят знак равенства между пассивной революцией и революцией сверху [8, с. 74]. Это вполне справедливо для капитализма. В то же время,

привело к подчинению княжеской власти формировавшимся сложным городским общинам — городам государствам [37, с. 60–61, 85, 107]. Но для древности вовлечение в революционный процесс более ограниченного по сравнению с капитализмом числа субъектов кажется естественным. «Пассивность» здесь проявляется в отсутствии такого богатого интеллектуального брожения, которое возникает при создании мировых религий. Здесь не могло быть ничего, подобного борьбе за утверждение в качестве государственной идеологии конфуцианства и легизма [23], индуизма с джайнизмом и буддизмом [38], различных течений ислама и христианства [5, с. 339; 16, с. 208–235]. Борьбе, которая была тесно связана с интересами разных социальных страт.

Процесс образования классов в регионе находился ещё в зачаточном состоянии. Письменные и археологические источники свидетельствуют об архаичном характере социальной организации общества [1, с. 401–402, 404–405], архаичной системе налогообложения и слабом развитии государственных институтов в хазарском социуме [32]. В плане господствующего социально-экономического уклада о Хазарском каганате сложно сказать что-то определённое ввиду скудости источников. По мнению В. С. Флёрова, этот вопрос следует оставить открытым [31, с. 211]. Исследователь критикует методику выявления свидетельств классового расслоения и наличия феодальной собственности на археологическом материале, которую использует С. А. Плетнёва [31, с. 209–210]. Собственные исследования В. С. Флёровым Маяцкого катакомбного могильника демонстрируют «картину не то что классового, но слабого имущественного расслоения» [31, с. 210]. Вообще «на территории Хазарского каганата пока не обнаружено ни одной постройки, которую можно было определить как жилище “богачей”, если угодно “феодалных”» [31, с. 209].

О переходном, дофеодальном характере Древнерусского государства ведёт речь И. Я. Фроянов [33, с. 105]. По его мнению, до рубежа X–XI вв. оно представляло из себя «грандиозный» суперсоюз племён, а не государство [34, с. 21, 33; 35, с. 47; 36, с. 165–166].

Нет единого мнения и в характеристике социально-экономического уклада Волжской Булгарии, социальный строй которой оценивают то как дофеодальный, то как азиатский, то как рабовладельческий, то как госфеодализм [21, с. 139]. Как и в случае с Хазарским каганатом, источников для точных реконструкций в этом случае немного. Большую роль играют косвенные свидетельства. Археологические источники, данные о налогообложении, политической раздробленности и др. Но подобные источники скорее запутывают, чем вносят ясность. К тому же конкретные проявления докапиталистических формаций могут сильно отличаться друг от друга. А. Нигамаев и Ф. Хузин использовали также реалии более изученных тюрских государств, «возникших на завоеванных мусульманских областях» для реконструкции социально-экономических порядков Волжской Булгарии [21, с. 141]. При этом исследователи не отдают себе отчёт в том, что порядки в исламских государствах с достаточно развитой частной собственностью [21, с. 142], существовавшей ещё до завоевания тюркскими народами, должны принципиально отличаться от уклада Булгарии, возникшей на базе подчинения тюркам-кочевникам местных родоплеменных земледельческих коллективов. К тому же Передняя и Центральная Азия сопоставляются с Поволжьем. Это слишком разные регионы, занимающие разное положение в мир-системе. Как бы то ни было, никакого развитого «классового общества» ко времени исламизации Булгарии в Поволжье не существовало. Даже склонные преувеличивать степень феодализации Восточной Европы А. Нигамаев и Ф. Хузин характеризуют уровень развития того времени как «дофеодальный» [21, с. 140]. Это справедливо и в отношении христианизации Древней Руси, и, вероятно, иудаизации Хазарии. О том, что классовые отношения ко времени распространения первой волны революций в Восточной Европе не были развиты, свидетельствует и племенной характер конфликтов. Если существование классов весьма спорно, то тем более они не могли осознать себя, создавать классовые союзы и вести настоящую борьбу за гегемонию, как это происходило при капитализме. Но можно ли подобный переход к государству назвать революцией?

Г. А. Завалько считает что «если переворот не освобождает, а порабощает... его нельзя считать прогрессивным» [10, с. 106]. Поэтому исследователь отрицает революционное образование классов. «Появление частной собственности, классов и эксплуатации — часть эволюционного развития. Их победа, выраженная в появлении государства, и есть рассматриваемая социальная революция» [10, с. 106]. С такой позицией можно согласится лишь отчасти. Классообразование действительно —

кажется, главная характеристика пассивной революции — это неполный характер преобразований и отсутствие у революционных сил достаточного понимания собственных задач и задач своего противника [7, с. 207].

долгий эволюционный процесс, а возникновение государства — своеобразная революция. Но Г. А. Завалько сам отмечал, что революции вообще могут иметь опережающий характер и произойти тогда, когда экономическая основа для них недостаточно готова [10, с. 100]. Так и государство, вполне очевидно, не всегда возникает в классовом обществе. Хотя безусловно, что раннегосударственные и протогосударственные образования движутся по пути эволюционного вызревания классов.

Нельзя согласиться с трактовкой характера освобождения, которое, по мнению Г. А. Завалько, несёт с собой рассматриваемая форма революции. Философ считает, что это «освобождение — смягчение власти природы над человеком» [10, с. 106]. В чём именно проявляется *смягчение этой власти и почему такую* революцию следует считать социальной, Г. А. Завалько не поясняет. Логичным следствием такого взгляда стал вывод, что общим у революции при переходе к государству и буржуазной революцией является только «прогрессивный и качественный характер изменений» [10, с. 107]. Но с таким же успехом буржуазную революцию можно сравнивать с «научной», или «кислородной».

Чтобы понять особенности первой социальной революции, следует уяснить стороны, которые находились в это время в состоянии конфликта. Это не могли быть классы, так как господство одного класса над другим ещё до конца не установилось. Но невозможен в такой ситуации и конфликт: человек — природа. Ибо **качественное** освобождение человека от природы ознаменовалось возникновением семиосферы. С этого момента покорение окружающей среды носит эволюционный характер: оно опирается на создание символических систем и искусственной природы. И политогенез в этом процессе — явление не более заметное, чем прорывы в технологиях. При возникновении государства конфликт возникал в первую очередь между обществом и обществом⁹, этим и определяется социальный характер данной революции. И сторонами конфликта были разные социальные организации. В условиях родовой, родственно-клановой или акефальной организации общества, возможно было количественное приращение территорий, возникновение частной собственности, а иногда и классов. Но подобные системы, автономные и в своих религиозных взглядах, и в своей политической и хозяйственной жизни (что тогда ещё не разделялось), являлись существенным тормозом этих процессов. Чрезмерное расширение таких систем принимало форму хрупкой конфедерации, объединённой временным интересом её участников и насилием, а социальное расслоение сдерживалось религиозными обрядами поддержки солидарности.

Так, в племени апатани почти нет коллективной собственности. Однако богатые семьи не превращаются в крупных землевладельцев, этим процессам мешает система потлача [3]. Государство устанавливает не только публичную профессиональную власть, но и более искусственную, универсальную, независимую от традиций локальных коллективов систему ценностей. И при этом в большинстве случаев территориальный принцип организации общества окончательно ликвидирует родовую. Это упрощает и накопление прибавочного продукта, и взаимодействие с другими государствами. Там, где однажды возникло одно государство, рядом обязательно появится другое. Это характерно и для Средиземноморья, и для Индии с Китаем, и для Мезоамерики и Андского региона. Такова ранняя глобализация, которая, с точки зрения **капиталистического общества**, конечно «глобализация». Но и любое докапиталистическое государство, с **капиталистической точки зрения**, — «государство». А любая революция — «**революция**», или **протореволюция**.

Таким образом, своеобразие протореволюции объясняется отсутствием развитых классовых отношений. Носители прогрессивных тенденций в этой революции не угнетаемые классы, а социальные группы, на стороне которых — универсализм. Группы, оказавшиеся вне традиционных автономных социальных образований. Эти группы несут с собой новые формы зависимости. Но, приходят эти формы не на место идеального общества «первобытного коммунизма». В том обществе уже существуют некоторые формы дискриминации¹⁰, оно уже сильно зависимо от сложных и затратных религиозных обрядов и жёстких предрассудков из области сакрального. В нём, зачастую, существуют кровавые ритуалы, бессмысленное уничтожение богатств, насилие и «право сильного». Это общество не всегда является классовым, но оно всегда социально стратифицировано. Там есть люди первого и второго сорта, свободные и рабы.

⁹ Во время семиотической революции тоже, вероятно, наблюдались конфликты между разными человеческими коллективами, и они также могли влиять на ход революции. Однако, поскольку сама семиосфера делает коллектив обществом, такие конфликты также можно свести к борьбе природы и человека.

¹⁰ Например у Баруйя, племени, в котором «нет центральной власти: ни верховного вождя» [6, с. 137, 146-147], существует система угнетения отдельных родов и всех женщин племени.

Государство, конечно же, не рушит прежние отношения в одночасье. Родимые пятна родового общества можно проследить на всём протяжении развития периферийного социума. Но это лишь подтверждает тезис об эволюционном характере возникновения классового общества, частной собственности и т. д., и о революционном характере возникновения государства.

Не всегда государство является и признаком жёсткой системы эксплуатации. Так, например, окончательное формирование древнерусской государственности означало расцвет древнерусской демократии. Благодаря включению в революционные процессы широких масс, в результате ряда народных выступлений, родовая власть Рюриковичей была поставлена в зависимость от новой, территориальной системы организации общин: города-государства [37, с. 60–61, 85, 107]. Почву для этого перехода подготовил сам варяжский род, но финальное слово осталось за массами.

В чём ещё имеются сходства исследуемой протореволюции с революциями эпохи капитализма, помимо упомянутого качественного скачка, который может вызывать всплеск насилия? Все революции распространяются волнами. Кроме того, есть революции, произошедшие в конкретном месте, но имеющие международное значение. Такие революции способствуют совершенствованию общественных и политических отношений там, где уже победила новая формация, и упрощают переход отстающей периферии в качественно новое состояние. Такими были революции в период формирования мировых религий и философий. Такими были три Великих революции XIX–XX вв. — Французская, Русская и Китайская. Наконец, в условиях победы революции государственные и политические институты захватывает прогрессивная социальная группа, которая использует государство как инструмент своих преобразований.

Распространяясь волнами, революции действительно способствуют установлению новых формаций. Но необходимость длительной по времени волны обусловлена тем, что процесс этот носит более сложный и более глобальный характер, чем это предполагалось в ортодоксальном марксизме. Он усложняется неравномерным положением различных социумов в мир-системах, а также возможностями разного баланса между классами и классовыми союзами (в т. ч. глобальными классовыми союзами) и другими социальными силами. Поэтому Великие революции капитализма вызывали всплеск народно-освободительной борьбы, а их идеологический эффект был не меньшим, чем от создания религий. Идеология, в известной мере, упрощает экспорт социальных нововведений, а угроза, исходящая от революционного мировоззрения, может превратить силы реакции в «душеприказчика революции» [20, с. 432; 40, с. 201].

В этом плане идеологическую составляющую любой революции не следует недооценивать. Политической революцией можно назвать революцию в области технологий власти, когда «управлять по-старому» уже становится невозможным в силу целого ряда объективных внутренних и внешних факторов. И перед обществом появляется альтернатива: успешно перейти к адекватной сложившимся условиям системе управления либо, в случае игнорирования данного требования, подвергнуться разрушительной силе регресса. При неуспехе революции также вероятен регресс (как на юге Восточной Европы прогрессивную земледельческую хазарскую цивилизацию сменило господство кочевых племён, не нуждавшихся в государстве). Если смотреть на революцию таким образом, то она перестаёт быть характерной чертой только лишь капитализма. Также она теряет значение явления, которое укрепляет только одну социально-экономическую систему. Современный мир, со свойственным ему кризисом социального государства, развалом привычного баланса сил на международной арене, возникновением новых глобальных вызовов, активным развитием технологий и непроизводственного сектора экономики, сложно назвать «концом истории». И задача человечества — правильно прочитать послание, содержащееся в стремительных изменениях нашего времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
2. *Архипов А.* К изучению сюжета о выборе веры. «Повесть временных лет» и «еврейско-хазарская переписка» // *Jews & Slavs.* Jerusalem, St. Petersburg: Nauka, 1993. Vol. 1. С. 20–43.
3. *Березкин Ю. Е.* Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // *Кунсткамера. Этнографические тетради.* СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. Вып. 4. С. 5–19.
4. *Боргольте М.* «Европа христианская страна»: была ли религия миростроительницей средневековья? // *Культурология.* 2001. № 4 (20). С. 178–194.

5. *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до христовых походов (до 1081 г.). СПб.: Алетея, 1998. 514 с.
6. *Годелье М.* Загадка дара. М.: Вост. лит., 2007. 295 с.
7. *Граммши А.* Избранные произведения в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради. М.: Изд-во ин. лит., 1959. 570 с.
8. *Грецкий М. Н.* Антонио Грамши — политик и философ. М.: Наука, 1991. 159 с.
9. *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
10. *Завалько Г. А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках. Проблемы. Идеи. Концепции. М.: КомКнига, 2005. 320 с.
11. *Измайлов И.* Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 549–556.
12. *Измайлов И. Л.* Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. №2 (12). С. 217–242.
13. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Из-во Харьковского гос. ун-та, 1956. 350 с.
14. *Ковалевский А. П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. 66 с.
15. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.
16. *Крывелев И. А.* История религий. Очерки в двух томах. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 419 с.
17. *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. 240 с.
18. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев, Москва: Ника-Центр, Старклайт, 2004. 1064 с.
19. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.
20. *Маркс К.* Эрфуртовщина в 1859 году // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 432–434.
21. *Нигаматов А., Хузин Ф.* Социально-политическое устройство. Общественные отношения // История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 139–150.
22. *Перевалов В. П.* Революция // Новая философская энциклопедия в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 429–430.
23. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 340 с.
24. *Петрухин В.* Мог ли хазарский каган быть иудеем? // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Международ. ежегодн. конф. по иудаике. М., 2011. Т. 2. Вып. 35. С. 68–71.
25. *Петрухин В.* Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. С. 296–315.
26. *Плетнёва С. А.* Хазары. М.: Наука, 1986. 88 с.
27. *Пузанов В. В.* Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв. // Исследования по русской истории: сб. ст. к 65-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2001. С. 19–47.
28. *Рус А.* Народ майя. М.: Мысль, 1986. 256 с.
29. *Семёнов И. Г.* Этнополитическая ситуация в Хазарии в 830–850-х гг. // Восток (Oriens). 2008. № 3. С. 17–26.
30. *Степанов Ц.* Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // Хазары. Евреи и славяне. Москва, Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2005. Т. 16. С. 317–325.
31. *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
32. *Флёров В. С.* О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расслоение, война как факторы политогенеза. 24 чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апр. 2012 г. Материалы конф. М., 2012. С. 260–266.
33. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 372 с.
34. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 258 с.
35. *Фроянов И. Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск: Издат. дом «Удм. ун-т», 2003. 276 с.
36. *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 512 с.
37. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
38. *Шарма Р. Ш.* Древнеиндийское общество. М.: Прогресс, 1987. 632 с.
39. *Шульц Э. Э.* Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188–194.
40. *Энгельс Ф.* Англия в 1845 и 1885 годах // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 21. С. 198–205.
41. *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. Т. 22. С. 465–492.

42. *Amin S.* Class and Nation. Historically and in the Current Crisis. London: Heinemann Ibadan Nairobi, 1980. XI, 292 p.
43. *Amin S.* Eurocentrism. Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism. N. Y.: Monthly Review Press, 2009. 290 p.
44. *Amin S.* Global History. A View from the South. Fahamu Cape Town; Dakar; Nairobi; Oxford: Pambazuka Press, 2011. 195 p.

Поступила в редакцию 14.06.2018

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
отдела исторических исследований
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: lpdmor@gmail.com

D.V. Puzanov

**“REVOLUTION” OF THE YEAR 1000 IN EASTERN EUROPE:
THE PROBLEM OF PROTO AND POST REVOLUTIONS**

The article considers the global processes that took place in Eastern Europe in the VIIIth-Xth centuries. Their main result was the formation of states in the region and its inclusion in the medieval world-system. The author suggests regarding the totality of the changes that occurred at those times as a kind of precapitalist revolution. That revolution did not have the character of a class conflict, because the process of class formation in the region was at an early stage. This prevented the formation of conscious class interests and class alliances. However, like the bourgeois political revolutions, the revolution under consideration spread in waves, promoted a progressive qualitative leap, could provoke outbreaks of violence and presupposed a certain social conflict. In Eastern Europe, this process was accompanied by the collapse of the tribal organization. And the progressive side of the conflict were social groups that did not fit into the framework of the old tribal system and were capable of perceiving a new, universalist, state system of values.

Keywords: revolution, KhazarKaganate, Old Rus, Volga Bulgaria, feudalism.

REFERENCES

1. *Artamonov M. I.* Istoriya khazar [History of the Khazars]. Leningrad, State Hermitage Publ., 1962. 524 p. (In Russian).
2. *Arhipov A.* K izucheniiu suzheta o vybore very. “Povest’ vremennykh let” i “evreisko-khazaraskaia perepiska” [To Study the Plot of the Choice of Faith. “The Tale of Bygone Years” and “Jewish-Khazar Correspondence”]. Jews & Slavs. Jerusalem, St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol. 1, pp. 20–43. (In Russian).
3. *Berezkin Yu. E.* Apatani i drevneishii Vostok: al’ternativnaia model’ slozhnogo obshchestva [Apatani and the Ancient East: an Alternative Model of a Complex Society]. Kunstkamera. Etnograficheskie tetrady [Kunstkamera. Ethnographical Notebooks]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1994, issue 4, pp. 5–19. (In Russian).
4. *Borgolte M.* “Evropa khristianskaia strana”: byla li religii mirostroitel’nitsei srednevekov’ia? [“Europe is a Christian Country”: Was Religion a Miracle-Building of the Middle Ages?]. Kul’turologiia [Culturology], 2001, no. 4 (20), pp. 178–194. (In Russian).
5. *Vasiliev A. A.* Istoriia Vizantiiskoi imperii. Vremia do khristovykh pokhodov (do 1081 goda) [History of the Byzantine Empire. The Time Before Christ’s Campaigns (up to 1081)]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998, 514 p. (In Russian).
6. *Godelier M.* Zagadka dara [The Enigma of the Gift]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2007, 295 p. (In Russian).
7. *Gramsci A.* Izbrannye proizvedeniia v 3 tomakh [Selected Works in 3 vol.]. Vol. 3. Tiuremnye tetrady [The Prison Notebooks]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1959, 570 p. (In Russian).
8. *Gretskii M. N.* Antonio Gramsci — politik i filosof [Antonio Gramsci — politician and philosopher]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 159 p. (In Russian).
9. *Grinin L. E.* Gosudarstvo i istoricheskii protsess. Epokha formirovaniia gosudarstva: Obshchii kontekst sotsial’noi evoliutsii pri obrazovanii gosudarstva [State and Historical Process. The Epoch of State Formation: The General Context of Social Evolution in the Formation of the State]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 272 p. (In Russian).
10. *Zavalko G. A.* Poniatie “revoliutsiia” v filosofii i obshchestvennykh naukakh. Problemy. Idei. Kontseptsii [The Concept of “Revolution” in Philosophy and Social Sciences. Problems. Ideas. Concepts.]. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 320 p. (In Russian).
11. *Izmailov I.* Islam i musul’manskaia kul’tura v Volzhskoi Bulgarii [Islam and Muslim Culture in Volga Bulgaria]. Istoriia tatar s drevneishikh vremen: v 7 tomakh [History of the Tatars from Ancient Times: in 7 vol.]. Vol. 2: Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step’ [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, RukhIL Publ., 2006, pp. 549–556. (In Russian).

12. *Izmailov I. L.* Stanovlenie srednevekovoi Bulgarii: ot plemeni k gosudarstvu [The Making of the Volga Bulgaria: From Tribes to a State]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2012, no. 2 (12), pp. 217–242. (In Russian).
13. *Kovalevsky A. P.* Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 godah [Book by Ahmad ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922 AD]. Kharkov, Kharkov State University Press, 1956, 350 p. (In Russian).
14. *Kovalevsky A. P.* Chuvashi i bulgary po dannym Akhmeda Ibn-Fadlana [The Chuvashes and the Bulgars According to Ahmed Ibn-Fadlan's Data]. *Cheboksary, Chuvash State Publ.*, 1954, 66 p. (In Russian).
15. *Kokovtsov P. K.* Evreisko-khazarskaia perepiska v X veke [Jewish-Khazar Correspondence in the 10th century]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1932, XXXVIII, 134 p. (In Russian).
16. *Kryvelev I. A.* Istoriia religii. Ocherki v dvukh tomakh [History of Religions. Essays in two Volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, 419 p. (In Russian).
17. *Latur B.* Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii [We Have Never Been Modern]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2006, 240 p. (In Russian).
18. *McNeill W.* Voskhozhdenie Zapada: Istoriia chelovecheskogo soobshchestva [The Rise of the West. A History of the Human Community]. Kiev, Moscow, Nika-Tsentr, Starklait Publ., 2004, 1064 p. (In Russian).
19. *Marx K.* K kritike politicheskoi ekonomii [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1959, vol. 13, pp. 1–167. (In Russian).
20. *Marx K.* Erfurtovshchina v 1859 godu [Erfurtery in the Year 1859]. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1959, vol. 13, pp. 432–434. (In Russian).
21. *Nigamayev A., Khuzin F.* Sotsial'no-politicheskoe ustroistvo. Obshchestvennye otnosheniia [Socio-Political Arrangement. Public Relations]. Istoriia tatar s drevneishikh vremen: v 7 tomakh [History of the Tatars from Ancient Times: in 7 vol.]. Vol. 2: Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, RukhIL Publ., 2006, pp. 139–150. (In Russian).
22. *Perevalov V. P.* Revoliutsiia [Revolution]. Novaia filosofskaia entsiklopediia v 4 tomakh [A New Philosophical Encyclopedia in 4 vol.]. Moscow, 2010, vol. 3, pp. 429–430. (In Russian).
23. *Perelomov L. S.* Konfutsianstvo i legizm v politicheskoi istorii Kitaia [Confucianism and Legism in the Political History of China]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 340 p. (In Russian).
24. *Petrukhin V.* Mog li khazarskii kagan byt' iudeem? [Could Khazar Kagan Be a Jew?]. Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike [Proceedings of the Eighteenth Annual International Conference on Jewish Studies]. Moscow, 2011, vol. 2, issue 35, pp. 68–71. (In Russian).
25. *Petrukhin V.* Khazarskii kaganat i ego sosedi [The Khazar Kaganate and its Neighbors]. Istoriia tatar s drevneishikh vremen: v 7 tomakh [History of the Tatars from Ancient Times: in 7 vol.]. Vol. 1: Narody stepnoi Evrazii v drevnosti [Peoples of the Steppe Eurasia in Antiquity]. Kazan, Rukhiiat Publ., 2002, pp. 296–315. (In Russian).
26. *Pletneva S. A.* Khazary [The Khazars]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 88 p. (In Russian).
27. *Puzanov V. V.* Glavnye cherty politicheskogo stroia Kievskoi Rusi X–XI vekov [The Main Features of the Political System of Kievan Rus 10–11 centuries]. Issledovaniia po russkoi istorii. Sbornik statei k 65-letiiu prof. I. Ya. Froyanova [Studies in Russian History. Collection of Articles Dedicated to the 65th Birthday of Prof. I. Ya. Froyanov]. St. Petersburg, Izhevsk, Udmurt University Publ., 2001, pp. 19–47. (In Russian).
28. *Ruz A.* Narod maiya [The Maya People]. Moscow, Mysl' Publ., 1986, 256 p. (In Russian).
29. *Semenov I. G.* Etnopoliticheskaia situatsiia v Khazarii v 830–850 gg. [The Ethnopolitical Situation in Khazaria in 830–850 AD]. *Vostok (Oriens) [East]*, 2008, no. 3, pp. 17–26. (In Russian).
30. *Stepanov Ts.* Razvitie kontseptsii sakral'nogo tsaria u khazar i bolgar epokhi rannego Srednevekovya [The Development of the Conception of the Sacral Ruler among the Khazars and the Bulgars during the Early Middle Ages]. *Khazary. Evrei i slaviane [Khazars. Jews and Slavs]*. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury, Gesharim Publ., 2005, vol. 16, pp. 317–325. (In Russian).
31. *Flerov V. S.* "Goroda" i "Zamki" Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaia real'nost' ["Towns" and "Castles" of the Khazar Khaganate. Archaeological Reality]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2010, 260 p. (In Russian).
32. *Flerov V. S.* O gosudarstvennoi material'noi kul'ture i gosudarstve Khazarskii kaganat [On State Material Culture and the State of the Khazar Khaganate]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rassloenie, voina kak faktor politogeneza. 24 chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 18–20 apreliia 2012 goda. Materialy konferentsii [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Migration, Stratification, War as Factors of Political Genesis. 24 readings of the memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto]*. Moscow, 2012, pp. 260–266. (In Russian).
33. *Froyanov I. Ya.* Nachalo khristianstva na Rusi [The Beginning of Christianity in Russia]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2003, 276 p. (In Russian).
34. *Froyanov I. Ya.* Kievskaiia Rus'. Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroia [Kievan Rus. The Main Features of the Socio-Economic System]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1999, 372 p. (In Russian).
35. *Froyanov I. Ya.* Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [The Kiev Rus. Essays on Socio-Political History]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1980, 258 p. (In Russian).

36. *Froyanov I. Ya.* Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavian [Slavery and Tribute to the Eastern Slavs]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1996, 512 p. (In Russian).
37. *Froyanov I. Ya., Dvornichenko A. Yu.* Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi [The City-States of Old Rus]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1988, 269 p. (In Russian).
38. *Sharma R. Sh.* Drevneindiiskoe obshchestvo [Ancient Indian Society]. Moscow, Progress Publ., 1987, 632 p. (In Russian).
39. *Shultz E. E.* Teoriia revoliutsii: Marks i marksizm [Theory of Revolution: Marx and Marxism]. Privolzhskii nauchnyi vestnik [Privolzhsky Scientific Bulletin], 2014, no. 2 (30), pp. 188–194. (In Russian).
40. *Engels F.* Angliia v 1845 i 1885 godakh [England in 1845 and in 1885]. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, State Publ. House of Political Literature, 1961, vol. 21, pp. 198–205. (In Russian).
41. *Engels F.* K istorii pervonachal'nogo khristianstva [A Contribution to the History of Primitive Christianity]. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, State Publ. House of Political Literature, 1962, vol. 22, pp. 465–492. (In Russian).
42. *Amin S.* Class and Nation. Historically and in the Current Crisis. London, Heinemann Ibadan Nairobi, 1980, XI, 292 p.
43. *Amin S.* Eurocentrism. Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism. N. Y., Monthly Review Press, 2009, 290 p.
44. *Amin S.* Global History. A View from the South. Fahamu Cape Town, Dakar, Nairobi, Oxford, Pambazuka Press, 2011, 195 p.

Received 14.06.2018

Puzanov D. V., Candidate of History, Junior Researcher at Department of Historical Research
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinov st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: lpdmor@gmail.com